

Джон Мьюр

ПО ПРЕДГОРЬЯМ С ОВЕЧЬИМ СТАДОМ

В Большой Центральной долине Калифорнии всего два времени года — весна и лето. Весна начинается с первого ливня, который обычно случается в ноябре. Пора цветения продолжается несколько месяцев, с конца же мая всё становится мёртвым, сухим и ломким, словно каждое растение побывало в духовке.

Тогда-то стада задыхающихся от жары овец начинают перегонять на прохладные высокогорные зелёные пастбища Сьерры. Отправиться в это время в горы хотелось и мне, однако у меня не доставало средств, чтобы обеспечить себя продовольствием. Я напряжённо раздумывал над этой столь мучительной для путешественников проблемой, пытаюсь взять в толк, смогу ли я, подобно диким животным, ограничиться найденным на месте пропитанием вроде семян или ягод, что позволило бы мне странствовать и ходить по горам, не беспокоясь ни о деньгах, ни о поклаже, как тут владелец овцеводческой фермы господин Делейни, у которого я проработал сколько-то недель, предложил мне отправиться вместе с его пастухом и стадом именно туда, куда я более всего и хотел попасть, — к верховьям рек Мерсед и Туоломни. Меня устраивала любая работа, что позволила бы оказаться в горах, сокровищница которых открылась предо мною предыдущим летом в Йосемити. Господин Делейни объяснил, что по мере таяния снега стадо постепенно поднимается всё выше и выше, от перелеска к перелеску, а в самых лучших местах оно пасётся по несколько недель кряду. Места эти можно было использовать в качестве опорных баз, от которых я совершал бы небольшие — на расстояние восьми-десяти миль — походы, занимаясь изучением местных растений, животных и минералов, что не вызывало у него ни малейшего возражения. Тем не менее, понимая, что ему нужен совершенно иной человек, я поделился с ним своими сомнениями и признался, что совершенно не знаком с высокогорьем, никогда не переходил вброд горных рек и ничего не знаю о питающихся овцами хищниках; иными словами, со мною он мог лишиться доброй половины своего стада, которому угрожали медведи, койоты, горные потоки, каньоны и колючий непроходимый чапараль. К счастью, моя некомпетентность несколько не смутила господина Делейни. Главное, заметил он, чтобы в лагере находился человек, которому он мог бы доверить наблюдение за тем, как исполняет свои обязанности пастух, трудности же, которые на расстоянии

представляются непреодолимыми, исчезнут, как только мы отправимся в путь; пасти овец будет именно пастух и ничто не помешает мне заниматься изучением растений, минералов и ландшафта; сам же господин Делейни собирался сопроводить нас до первой базовой стоянки и планировал навещать нас на других, более высоких стоянках, чтобы пополнить запасы нашего продовольствия и убедиться, что с нами всё в порядке. Соответственно, я решил принять предложение, хотя былые страхи вернулись, стоило мне увидеть глупых овечек, выскакивавших одна за одной из узких ворот фермы: скольким из них — а насчитали их две тысячи пятьдесят голов — суждено будет вернуться домой?

На счастье, у меня появился компаньон — замечательный сенбернар. Прослышав о том, что я собираюсь провести лето в Сьерре, охотник, с которым я был едва знаком, попросил меня взять с собой его любимую собаку по кличке Карло, — он боялся, что внизу животное может погибнуть от нестерпимого летнего зноя. «Надеюсь на вашу доброту, — сказал он, — ну а слушаться вас он будет. О горных животных он знает всё. Умный и преданный, он будет охранять лагерь и поможет пасти овец...» Сразу поняв, что речь идёт о нём, Карло посмотрел на нас и весь обратился в слух, словно понимал человеческий язык. Я окликнул его по имени и спросил, пойдёт ли он со мною. Он заглянул мне в лицо своими необычайно умными глазами, после чего перевел взгляд на хозяина и, получив разрешение, выражавшееся в направленном в мою сторону лёгком взмахе руки и ласковом похлопывании по холке, спокойно последовал за мною, будто понял всё сказанное и знал меня всегда.

3 июня, 1869

Утром провиант, походные котелки, одеяла, гербарный пресс и прочее были навьючены на двух лошадей; стадо направилось к порыжевшим предгорьям, а вслед за ним в облаках пыли выступили и мы: высокий и сухощавый господин Делейни с характерным профилем Дон Кихота вёл вьючных лошадок, за ним следовали гордый пастух, китаец с индейцем-диггером¹, призванные помочь нам в преодолении поросших кустарником предгорий, и я — с пристёгнутой к поясу записной книжкой.

Оставленное нами ранчо находится на южном берегу Туоломни возле Французской жилы, где предгорья, сложенные из метаморфных золотоносных сланцев, уходят под стратифицированные отложения Центральной долины. Не успели мы одолеть и мили, как старые вожаки, вспомнив горные

¹ Так или иначе связанные с шошонами вымершие племена индейцев Калифорнии и Невады, питавшиеся преимущественно кореньями и вследствие этого получившие прозвище «диггеров» («копателей» или «корчевателей»).

выпасы прошлого лета, забегали заметно бодрее и принялись вглядываться вдаль. Оживление передалось всему стаду: матери стали кликать своих ягнят, те же отвечали им дрожащими голосами, удивительно похожими на человечьи; они ласково призывали друг друга, замолкая время от времени, чтобы ухватить очередной клочок жухлой травы. Стадо перетекало через холмы, оглашая их дружным блеянием, но каждая мать и каждое дитя узнавали друг друга по голосу. Если изнемогший, обомлевший от удушливой пыли ягнёнок замолкал, мать спешила вернуться на то самое место, где слышала его в последний раз, и не успокаивалась, пока не находила своё дитя, одно из тысячи, пусть нашему зрению и слуху все овцы казались одинаковыми.

Стадо передвигалось со скоростью около мили в час, образуя при этом неправильный треугольник шириною примерно в сто и длиною в сто пятьдесят ярдов с загнутой, постоянно меняющей своё положение вершиной, в которой находились самые крепкие фуражиры, именуемые «вожаками»; вместе с наиболее активными овцами, разбредшимися по прихотливо очерченным сторонам «основного стада», они рыскали среди скал и кустов в поисках травы и листьев; ягнята же и немощные старые мамы плелись позади и призывались, естественно, «хвостом».

К полудню жара стала нестерпимой; несчастные овечки тяжело дышали и пытались спрятаться от солнца в тени каждого деревца, мы же тщетно силились разглядеть за пылающим маревом снежные вершины и горные потоки. Со всех сторон нас окружали пологие холмы, то тут, то там ощетилившиеся кустарником, деревьями и выходами сланца. Редкие деревья — по большей части дуб Дугласа (*Quercus Douglasii*) — с бледными голубовато-зелёными листьями и светлой корой имели в высоту от тридцати до сорока футов и росли на самых тощих почвах или в расщелинах скал, куда не могли добраться низовые пожары. Во многих местах из пожелтевшей травы торчали похожие на могильные памятники поросшие лишайником сланцевые плиты. Если не брать во внимание дубы и четыре или пять видов манзаниты² и цеанотуса³, растительность предгорий мало чем отличается от равнинной. Мне доводилось видеть эту зону ранней весной, — то был прекрасный ландшафтный сад, изобилующий птицами, пчёлами и цветами. Зной изменил его до неузнаваемости. Земля растрескалась; по скалам ползали ящерицы; невероятные количества подрагивающих от своей неистощимой энергии муравьёв, чьи крошечные искорки жизни от жары только разгорались, спешили бесконечными тропами — кто воевать, кто добывать

² Калифорнийские кустарники и деревья (прежде всего, *Arctostaphylos pungens*) рода *Arctostaphylos* (толокнянка) семейства вересковых (*Ericaceae*).

³ Цеанотус (*Ceanothus*) или краснокоренник — род древесных и кустарниковых растений семейства крушиновых (*Rhamnaceae*).

пропитание. Примечательно, что прямые лучи палящего солнца, которые казалось, должны были испепелить их в считанные мгновения, нисколько им не вредили. В укромных местах изредка можно было встретить свернувшихся в клубок гремучих змей. Смешанные стаи обычно шумных сорок и ворон с широко раскрытыми клювами и опущенными крылами молча сидели в тени деревьев; перепела пытались скрываться от солнца по тенистым берегам щелочных источников; американские кролики сновали меж кустами цеанотуса; я увидел и несколько длинноухих зайцев, грациозно перебежавших через широкие прогалины.

После недолгого полуденного отдыха в рощице несчастное задыхающееся от пыли стадо вновь покорно побрело по поросшим кустарником склонам, однако в самый неподходящий момент мы окончательно потеряли из виду свою и без того еле приметную дорогу и вновь вынуждены были остановиться, чтобы получше осмотреться и сориентироваться. Решив, что мы заплутали в чапарале, китаец принялся повторять на своём ломаном английском что-то вроде «малька-палька», индеец же тем временем молча разглядывал окрестные холмы и ущелья, пытаясь отыскать проход. В конце концов, буквально проломившись сквозь колючие заросли, мы вышли на дорогу, ведущую в направлении Колтервилла, и остаток дня следовали по ней, а примерно за час до захода добрались до выжженного солнцем ранчо, где и остановились на ночлег.

Ночевать в предгорьях со стадом овец легко и просто, пусть и не очень комфортно. Овцы, за которыми присматривал пастух, паслись неподалёку до самого захода солнца, мы же собирали дрова, разжигали костёр, готовили ужин, развьючивали и кормили наших лошадок и так далее. С наступлением сумерек усталых овец согнали на открытую возвышенность, находившуюся рядом с лагерем, где они охотно сбились в кучу, а после того, как матери отыскали своих ягнят и накормили их молоком, дружно улеглись наземь и до самого утра уже не требовали внимания.

«Еда!» — позвали нас на ужин. Свои оловянные миски мы наполняли сами, зачерпывая еду прямо из котелков и сковородок, разговоры же, как и подобало, шли о пастбищах, приисках, койотах, медведях и о приключениях в памятные всем и каждому дни золотой лихорадки. Индеец, сидевший немного в сторонке, за всё это время не проронил ни слова, словно принадлежал к другому виду. Отужинав и покормив собак, курильщики со своими трубками сели вокруг костра; ощущение сытости и табак исполнили их такого умиротворения, какое можно увидеть разве что на портретах святых. Внезапно, словно очнувшись от сна, они — один за другим — вздыхая или ворча, принимались выбивать из трубок пепел, зевали, несколько мгновений смотрели на пламя и со словами «Пойду-ка я спать» тут же исчезали под одеялом. Костёр тлел ещё час или два; звёзды становились всё ярче;

время от времени слышались крики енотов, койотов и сов; нескончаемое чарующее пение сверчков и древесных лягушек, столь естественное и столь наполненное, казалось голосом самой ночи. Единственным диссонансом звучал человеческий храп и покашливание наглотавшихся пыли овец. При свете звёзд их стадо походило на большое серое одеяло.

4 июня

Лагерь ожил, как только стало светать; мы позавтракали кофе, беконом и бобами, поспешно вымыли посуду и уложили вещи. На восходе солнца овцы дружно заблеяли. Не успели матери проснуться, как ягнята уже принялись толкать и бодать их, требуя молока; и только после того как тысяча малышей насытилась, стадо пришло в движение. Первыми шли беспокойные, вечно голодные валухи, которые, впрочем, побаивались отдаляться от основного стада. Билли, индеец и китаец гнали овец по унылой дороге, вынуждая их довольствоваться тою малостью, какая оставалась на пространстве шириною около четверти мили после прошедших перед нами овечьих стад, где животные радовались каждому зелёному или сухому листочку, потому-то мы так спешили перегнать голодное стадо с голых раскалённых холмов на ближайшие зелёные выпасы, от которых нас отделяло расстояние в двадцать или тридцать миль.

Вьючных животных вёл Дон Кихот, на плече которого висела тяжёлая винтовка, необходимая для защиты от медведей и волков. День выдался таким же жарким и пыльным, как и накануне, да и растительность на этих бурых пологих холмах оставалась прежней, если не считать имевших престранный вид сосен Сабина (*Pinus sabiniana*), которые образовывали небольшие рощицы или росли между дубами Дугласа. Их ствол на высоте пятнадцати–двадцати футов разделяется на несколько стволов, что могут отходить в сторону или оставаться почти вертикальными, со множеством беспорядочно расположенных покрытых длинной серовато-зелёной хвоей ветвей, которые почти не дают тени. Своим видом эти деревья походят скорее не на сосну, а на пальму. Их шишки длиною шесть или семь дюймов и диаметром около пяти дюймов очень тяжелы и долго не распадаются, отчего вся земля под деревьями буквально усыпана ими. Шишки эти — прекрасное смолистое топливо для походных костров, которое даёт яркое пламя и уступает, на мой взгляд, только кукурузным початкам. Дон сказал мне, что индейцы-диггеры занимаются сбором семян этой сосны, которые они употребляют в пищу. Размерами и твёрдостью скорлупы семена эти приближаются к лесным орехам. Одно дерево даёт разом и пищу и бесплодное топливо.

5 июня

Утром наше овечьё стадо вновь поползло по склонам, и уже через несколько часов в Пино-Бланко мы поднялись на первый горный уступ. Воздушные сосны Сабина, что так похожи на пальмы, по-прежнему не давали мне покоя. Мне очень хотелось зарисовать их, но, признаться, у меня ничего не вышло. Однако мне удалось выкроить время, чтобы сделать вполне сносную зарисовку вершины Пино-Бланко с юго-западной стороны, где находится небольшое поле и виноградник, которые орошаются водами ручья, образующего возле дороги красивый водопад.

В приподнятом настроении, которое объяснялось постепенным набором высоты, составившим уже около тысячи футов, и нетерпеливыми ожиданиями, мы добрались до верхнего края первого уступа и увидели перед собою величественную панораму долины реки Мерсед, точнее, её излучины, называемой Подковой, — достойную изумления картину дикой природы, что на тысячу ладов звала нас к себе. Впереди круто уходящие вниз склоны, с их соснами и зарослями манзаниты, с залитыми солнцем открытыми пространствами между ними; в средней же части и на заднем плане — складка за складкой — идеально вылепленные холмы и хребты, что становятся всё выше и выше, постепенно превращаясь в горы, густо поросшие чапаралем, — в основном, аденостомой⁴, образующей столь плотные и однородные заросли, будто склоны сплошь покрыты мягким роскошным плюшем — ни тебе деревца, ни полянки. Насколько хватает глаз простирается волнистое зелёное море, такое же однотонное и бескрайнее, как шотландские пустоши. Пластика ландшафта поражает не только основными линиями, но и богатством деталей этого величественного собрания горных исполинов с поблёскивающей меж ними рекою и с их идеально выглаженными — без единого скального излома — изысканными складками метаморфических сланцев. Как в лучших творениях ваятелей, всё в этом ландшафте подчинено единому замыслу. Какая в его красоте заключена мощь! Ради неё я, изумлённый созерцатель, оставил бы всё и отдался радостной нескончаемой работе, следуя за силами, породившими её черты — камни, растения, животных, удивительную погоду. Всюду, всюду красота, превосходящая мысль, внизу и вверху, сотворённая и вечно творимая. Так бы и смотрел на неё, и стремился к ней, и восхищался ею, когда бы не пыльные овечки и выюки; я сделал наспех несколько заметок и зарисовку, хотя ни в том, ни в другом не было ни малейшей надобности, ибо сама эта картина, её цвета и линии так поразили мои ум и сердце, что вряд ли когда-либо могут поблёкнуть.

⁴ *Adenostoma fasciculatum* — вечнозелёное кустарниковое растение семейства розоцветных.

Вечер этого замечательного дня выдался прохладным, безветренным, ясным и отмеченным никогда не виденными мною прежде световыми явлениями — между деревьями и кустами время от времени появлялись небольшие светящиеся облачка, больше похожие не на блуждающие огни, а на помигивающих светлячков откуда-нибудь с лугов Висконсина. О наэлектризованности воздуха можно было судить по распушившимся хвостам лошадей и искрам, пробегавшим по нашим одеялам.

6 июня

После серии небольших спусков и подъёмов мы оставили позади холмистые предгорья и добрались до второго уступа или второго плато Гряды. Характер растительности изменился. На открытых местах ещё встречаются характерные для низин растения семейства сложноцветных, а также калохортусы⁵ и другие привлекающие к себе внимание представители семейства лилейных, однако место обычных для предгорий дубов Дугласа заняли мощные листопадные калифорнийские дубы (*Quercus Californica*)⁶ с глубоко дольчатыми листьями, живописно разветвляющимся стволом и красивой раскидистой кроной — плотной и округлой. Здесь же, на высоте около двух с половиной тысяч футов, мы достигли границы большого хвойного леса, состоящего преимущественно из жёлтой сосны⁷ с виднеющимися кое-где одиночными сахарными соснами⁸. Теперь мы уже в горах, а горы в нас — воодушевляя, отзываясь в каждом нерве, наполняя собою каждую клеточку и каждую пору. Скудельный сосуд наш, кости и плоть, словно стекло прозрачен для окружающей нас красоты, он — её неотъемлемая часть, что трепетно внемлет волнам солнечного света вместе с воздухом и деревьями, потоками и скалами, часть всей природы, не старой и не молодой, не здоровой и не больной, но — бессмертной. Подобно земле или небу ты не озабочен ничем, будь то питание или дыхание. Припоминая дни неволи, поражаешься чудесному превращению, столь полному и благотворному. И в этой новизне жизни чувствуешь, что иным ты не был никогда.

Мы оказались возле прогалины, откуда открывался вид на снежные пики в верховьях реки Мерсед. Какими близкими они кажутся, и насколько чётки их очертания на фоне голубого неба или, пожалуй, на самом небе! Кто устоит пред их зовом? Дозволено ли мне будет взойти на них, пусть

⁵ Калохортус (лилия-бабочка) — многолетнее травянистое растения семейства лилейных

⁶ Калифорнийский чёрный дуб (*Quercus Kelloggii*).

⁷ Другое название — сосна тяжёлая (*Pinus ponderosa*).

⁸ Сахарная сосна или сосна Ламберта (*Pinus lambertiana*).

даже денно и ночью я буду молиться об этом? Туда отправится достойный, тот, кто способен к Божественной работе, я же в меру своих сил должен пасти овец на склонах гор, этих твердынь любви, радостно прислуживая слугам в святилище дикой природы.

Неподалёку от Колтервилла в тенистых зарослях аденостомы нашёл красивую лилию (*Calochortus albus*) в компании с *Adiantum Chilense*⁹. Поразительный белый цветок с пурпурным оттенком у основания лепестков, чистый, как снежный кристалл, одно из тех растений-святых, которое любимо всеми и делает чище каждого, кто с ним встретится. Наставник грубых горцев. Воистину, мир богат уже им одним. Но не так-то просто следовать за стадом, когда при дороге стоят такие проповедники из народа растений.

Днём мы миновали прекрасный луг, окаймлённый величавыми деревьями, — в основном, похожими на стрелы жёлтыми соснами, между которыми то тут, то там высились совершенно отличные от них благородные сахарные сосны, раскинувшие пушистые лапы над верхушками своих соседей: удивительные деревья с живописными свисающими словно кисти шишками длиной пятнадцать–двадцать дюймов на концах ветвей. Мне доводилось видеть брёвна из сахарной сосны в Грилиз-Милл. Они были такими круглыми и ровными, будто их обточили на токарном станке, только у комля виднелись наросты, а приятный аромат сладкой смолы наполнял собою всю лесопилку. Земля под такими соснами усыпана нежной хвоей и огромными шишками; возле ствола нередко можно увидеть и места беличьего пиршества — горы чешуек, крылаток и скорлупок. Белки последовательно откусывают расположенные по спирали чешуйки у самого их основания, где находится пара семян, которых в каждой шишке сто или двести — вполне достаточно для хорошего обеда. Белка Дугласа разворачивает упавшие шишки (не только жёлтой сосны, но и большинства других видов и родов семейства сосновых) толстым концом вверх и, поворачивая вокруг оси, полностью обгрызает их, сидя при этом для безопасности спиной к дереву. При этом вы никогда не заметите даже на её лапках или усах ни пятнышка смолы; кучки же беличьего помёта, как бы странно это ни звучало, поражают своей аккуратностью и красивым цветом.

Мы приближаемся к стране облаков и студёных потоков. Около полудня над Йосемити появились величественные кучевые облака, — несущие свежесть летучие моря, небесные горы, с жемчужных склонов и долин которых берут начало все реки, — благословляющие землю прохладой тени и дождём. Ни один горный пейзаж не сравнится с небесным ни многообразием форм, ни тонкостью работы; могучие облачные своды с взметающимися ввысь пиками чётко очерчены и белы, как лучший мрамор. Поразительная

⁹ Адриантум (*Adiantum Chilense*) — род папоротников.

картина устройства мира. Каждое — даже самое маленькое — дождевое облако оставляет свой след не только на деревьях и цветах, сердца которых начинают биться чаще, в реках и озёрах, которые становятся полноводнее, но и на скалах, — и совершенно не важно, видим мы или нет высеченные им отметины.

Я занялся изучением весьма необычного и важного растения *Adenostoma fasciculata*, впервые замеченного мною возле Подковы. Оно широко распространено на нижних склонах второго плато в районе Колтервилла, где образует плотные, почти непроходимые заросли, кажущиеся издали тёмными. Для аденостомы, растения семейства розоцветных, достигающего в высоту шести–восьми футов, характерны маленькие белые цветы на кистях длиной от восьми до двенадцати дюймов, игловидные листья и красноватая кора, которая у старых растений начинает отслаиваться. Этот кустарник растёт на выжженных солнцем склонах и — так же как и трава — часто страдает от низовых пожаров, однако благодаря своей развитой корневой системе быстро восстанавливается. Прочие же растения в конце концов погибают от огня, и именно этим объясняется удивительное однообразие обширных зарослей аденостомы. Впрочем, здесь изредка встречаются манзаниты, которые также обладают способностью восстанавливаться за счёт корневой поросли, кустарники семейства сложноцветных — бакхарис и линосирис, а также некоторые виды лилейных — в основном, калохортус и бродиэя, луковицы которых находятся на большой глубине. В гуще зарослей селится великое множество птиц и «зверьков проворных, юрких, гладких»¹⁰; поляны же и тропки, идущие вдоль края основного массива чапарала, дают пристанище и пищу оленям в ту пору, когда снежные бури заставляют их покинуть высокогорные пастбища. Поразительное растение! Сейчас оно в цвету, и мне хотелось бы вставить в петлицу его благоухающие соцветия.

Azalea occidentalis, ещё один замечательный кустарник, растущий по берегам холодных ручьёв как здесь, так и куда выше — в районе Йосемити. Мы остановились на ночлег в нескольких милях от Грилиз-Миллз и увидели неподалёку кусты цветущей азалии. Она находится в близком родстве с рододендронами и поражает своей броской красотой и ароматом. Мы любим азалию и за то, что она ассоциируется у нас с тенистым ольшаником и ивняком, поросшими папоротником полянами и живительной влагой.

Сегодня нам встретилось новое хвойное растение — ладанный или речной кедр (*Libocedrus decurrens*), крупное дерево с тёплой желтовато-

¹⁰ См. Роберт Бёрнс, «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом» / в пер. С. Я. Маршака.

зелёной чешуевидной хвоей на плоских, как у туи, веерных лапах и с корой цвета корицы; стволы старых ладанных кедров лишены ветвей и походят — особенно когда их золотит солнце — на сказочные колонны. Достойные спутники царственных сахарных и жёлтых сосен. Это дерево нравится мне необычайно. Коричневатая древесина с мелковолокнутой структурой и мелкая чешуевидная хвоя источают приятный аромат, а плоские, частично перекрывающие друг друга лапы образуют красивые ярусы, которые должны хорошо защищать от дождя. Прятаться от непогоды под одним из таких благородных и гостеприимных деревьев одно удовольствие: сидишь под широким зелёным шатром возле благоухающего костра из упавших наземь сухих сучьев и слушаешь, как в вышине завывает ветер. Но сегодня над овечьим становищем тихо. Мы находимся возле северного рукава реки Мерсед. Ночной ветерок рассказывает о чудесах высоких гор, их снежных садах и фонтанах, лесах и рощах, и в тихом пении его нам явственно слышатся голоса вершин. А звёзды, эти бессмертные небесные лилии, сколь ярки они теперь, когда пыльные низины остались позади! Горизонт окаймлён и украшен зубчатую стеною сосен, где для каждого дерева находится своё особое место — отчетливые знаки, божественные иероглифы, начертанные солнечными лучами. Когда бы понять их! Ручей, бегущий мимо лагеря меж папоротниками, лилиями и кустами ольхи, ласкает слух, но для глаз музыка ещё слаще — сосны, выстроившиеся краем неба. Божественная красота во всём. Жил бы здесь вечно, были бы хлеб и вода; близкие же и друзья всегда рядом, ибо любовью питаемое сердце не знает ни преград ни расстояний.

7 июня

Вечером овцы занемогли, многие не могут прийти в себя до сих пор, бредут с трудом, кашляют, стонут, выглядят несчастными и жалкими, и всё потому, что поели листьев благословенной азалии. Во всяком случае, пастух и Дон¹¹ в этом абсолютно уверены. Овцы наголодались за эти дни так, что сметают всю зелень, какая только попадётся им на пути. Заводчики называют азалию «овечьей отравой» и поражаются, зачем только Творец создал её, ведь и без того дела у них идут совсем не так, как в старое доброе время. Калифорнийские овцеводы спешат разбогатеть и многим из них это удаётся, поскольку выпас им вообще ничего не стоит, климат же здесь настолько благоприятен, что можно обходиться без зимнего запаса кормов, крытых навесов и овчарен. Таким образом, ничто не мешает заводчику держать большое стадо и, соответственно, получать большую прибыль;

¹¹ Господин (*исп.*); в данном случае, владелец стада.

считается, что вложенные деньги удваиваются уже через год. Аппетит же, как известно, приходит во время еды. Шерсть — а, вернее, деньги — застыла глаза бедолаге, который попросту не замечает ничего иного.

Пастуху тоже не позавидуешь — особенно зимой, когда он живёт в своей хижине один-одинешенек. Хотя его и греет надежда обзавестись в один прекрасный день собственным стадом и стать таким же богатым, как босс, условия его жизни таковы, что он скорее опустится, чем обретёт желанную собственность, а с нею и достоинство — или недостоинство — собственника. Понять причины его деградации несложно. Он проводит в полном одиночестве едва ли не круглый год, что способны вынести очень немногие. Умственная деятельность или отдых, связанные с чтением книг, для пастуха большая редкость. Целый день он будет бродить вслед за стадом, а поздним вечером смертельно усталым вернётся в свою жалкую хижину. Он вряд ли станет готовить себе ужин и утолит голод чем придётся. Заварит щепотку чая, а вместо того чтобы испечь хлеб, поджарит на грязной сковородке пару лепёшек и, возможно, несколько полосок старого пожелтевшего бекона. Обычно в хижине имеется запас сушёных яблок и персиков, но на них пастух даже не взглянет. Проглотит лепёшки с беконом, выкурит трубку и, не раздеваясь, уляжется спать. Разумеется, здоровья пастуху это не прибавит; вдобавок к этому, долгие недели и месяцы, проведённые в полнейшем одиночестве, вполне могут вызвать у него и умственное расстройство.

В Шотландии же пастуху и в голову не придёт искать себе какое-то иное занятие. Предки его, скорее всего, тоже были пастухами, от которых он — подобно колли — унаследовал знание своего дела и любовь к нему. Он пасёт совсем небольшое стадо, постоянно видится со своими домашними и соседями, любит читать на свежем воздухе и нередко берёт с собою на пастбища книги, которые сделали бы честь и королю. Мы читаем, что на Востоке пастухи звали своих овец по имени; животные же узнавали их по голосу и послушно следовали за ними. Справиться с небольшим стадом несложно и ничто не помешает пастуху играть на дудочке, читать или предаваться раздумьям. Впрочем, несмотря на все радости пастушеской жизни в другие времена и в других краях, калифорнийский пастух, на мой взгляд, не может долго оставаться в здравом уме. Из великого множества голосов Природы он слышит только один — бляенье. Сердцу того, кто умеет слушать, милы даже вой и повизгивание койотов, но что может услышать тот, кого заботят лишь мясо и шерсть?

Овцы вновь чувствуют себя нормально; пастух рассказал о незримых опасностях, которые подстерегают их на здешних пастбищах: о щёлочи и о ядовитых азалии и кальмии. После переправы через северный рукав мы пошли налево, к Пайлот-Пик, и поднялись по скалистому, поросшему кустарником гребню на Браунс-Флэт, где овечки наконец-то смогут вволю

попасть на зелёных пажитях. Господин Делейни планирует остановиться в этих местах на несколько недель.

Около полудня мы миновали пещеру, называемую Беседкой. Оказалось, что это вовсе не мрачное подземелье, со сводов которого капает вода, а поразительный мраморный дворец, залитый солнечным светом, проникающим внутрь через обращённый к югу широкий вход. Под её сводами находится глубокое озерцо с идеально чистой водой и с поросшими мхом берегами, на которых растёт несколько крупнолистных клёнов. Ничего, подобного Бауэр-Кэйв, мне не доводилось видеть даже в Кентукки, где пещер как сот в улье. Этот удивительный памятник природы находится в мраморных залежах, которые, говорят, тянутся с северного края Гряды до её южной оконечности. Пещер здесь немало, но нет среди них таких, где красота кристаллов подземного мира сочеталась бы с живою зеленью и ярким светом солнца. Некий француз, заявивший свои права на это место, огородил его, устроил под клёнами скамейки, завёл на озере лодочку и стал продавать входные билеты ценою в доллар. Считающаяся здешней достопримечательностью пещера находится возле одной из троп, ведущих в долину Йосемити, и в летние месяцы её посещает множество туристов.

Встречающиеся до высоты около трёх тысяч футов над уровнем моря ядовитый дуб (сумах) и ядовитый плющ (*Rhus diversiloba*), кустарник и лиана, цепляющаяся за деревья и скалы, — характерные представители флоры предгорной зоны, которые доставляют немало неприятностей путешественникам, поскольку могут вызывать у некоторых людей ожог кожи и глаз, но прекрасно ладят с другими растениями — к ним доверчиво льнёт множество прекрасных цветов, нуждающихся в защите и тени. Так, я нередко встречал бесстрашно взбирающуюся по ветвям сумаха изысканную дихелостемму вьющуюся (*Stropholirion Californicum*). Овцы поедают названные растения без видимого вреда для себя, а вот лошади не очень-то их жалуют. Подобно большинству предметов, польза от которых представляется неочевидной, растения эти не ценятся никем и вызывают обычный в таких случаях абсурдный вопрос: «Для чего они созданы?», словно кому-то невдомёк, что созданы они, прежде всего, для того, чтобы быть самими собой...